

Л. С. Клейн

ДИАЛОГИ.
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
И НЕ ТОЛЬКО

Санкт-Петербург
2018

ББК 63.4
УДК 902/904
К 48

Клейн Л. С.

Диалоги. Теоретическая археология и не только — СПб: «Евразия», 2018. — 368 с.

ISBN 978-5-8071-0379-6

Диалог издревле считался одной из главных форм обнаружения истины. Искусство постановки вопроса и мастерство ответа на неудобные выпады всегда считались главными достоинствами проповедников, софистов и философов. Для науки же, строившей всю аргументацию исключительно вокруг экспериментальной практики, стереотипно пространство диалога казалось чуждым, а главным действующим лицом в науке представлялся герой-одиночка, грызущий камень познания в тишине лаборатории или кабинета. Предлагаемая вашему вниманию книга не оставляет камня на камне от этого стереотипа. Наука — это, прежде всего, пространство диалога. Здесь всегда есть место яростным спорам, страсти и даже политике. Наука — это прежде всего полемика — с учителями и учениками, друзьями и недругами, с оппонентами и сторонниками. Наука начинается с сомнения, расцветает там, где есть проблема, и никогда не дает окончательных ответов. Это борьба гипотез за право стать теориями, это непрестанный конфликт и полемика. Такова реальная наука и такова судьба основного автора этой книги — Льва Самуиловича Клейна (всего участников диалогов — 36). Таково итоговое изложение взглядов неординарного ученого и теоретика, человека, который несмотря на мировую известность и весьма почтенный возраст, постоянно открыт к диалогу.

© Клейн Л. С., текст, составление, 2018

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2018

© Оформление, ООО «Издательство

ISBN 978-5-8071-0379-6

«Евразия», 2018

в виде книг и статей, учебников, возможно журналов. Но если она будет сформирована, хотя бы в начальной форме, неизбежно появятся и специалисты по ней. Живьем.

Н. И. Платонова (С.-Петербург)

НП. Археология и преистория. Или — или? И — и? Нашу многострадальную науку любят, как мячик, перекидывать из одной системы в другую, из Humanity в Science, из вспомогательных наук в синтетические, и наоборот. Но сами по себе эти давние споры не суть важны. Главное: противоречие, которое лежит в основе, остается и сейчас актуальным. Археология воспринимается двояко: 1) как собственно «наука о вещах», о вещественных источниках и путях извлечения из них информации; 2) как наука, имеющая главной целью выработку «археологической версии» истории человечества и/или отдельных его сообществ, в конкретные периоды, на конкретных территориях.

Отбросить, отвергнуть полностью любое из этих определений не удастся. *Или — или* — не получается. Так, быть может, надо: *и — и*?

Скажу сразу: мне близка Ваша позиция об источниковедческой природе нашей дисциплины и о том, что создание «археологической версии» событий — это уже «преистория». Хотя сразу вопрос: почему же исключительно «преистория»? Да, для каменного века можно однозначно говорить о «преистории». А, скажем, для Древнего Востока, для микенской эпохи, античности? Для раннего средневековья? Чем была бы история Европы I–II тыс. н. э., если бы какой-нибудь умник разом взял и убрал их нее археологическое источниковедение? Как бы выглядела без него история Древней Руси, особенно если учесть, что окраинные территории (Заволжье, Русский Север и пр.) практически вообще не освещены письменными источниками? Тут уже не «преистория», а совсем недавняя *история* многих народов и регионов. И она реально может быть воссоздана лишь в «археологической версии». Других источников либо мало, либо нет.

Кстати, все это вовсе не дезавуирует для меня общий тезис: «археология — наука источниковедческая». В основе нашей работы действительно лежит познание специфики археологизированных (в первую очередь вещественных) источников и их контекста; разработка и практическое применение методов извлечения информации из этого материала. Именно это, по большому счету, делает

нашу науку — наукой. Но вот вопрос: входит ли реконструкция истории по археологическим данным в область профессиональной компетенции археолога? Или — нет? Или — не совсем?

Само последовательное разграничение археологии и преистории, которое присутствует в Ваших последних работах, говорит о том, что Вы отвечаете на данный вопрос отрицательно. Или, может быть, Ваша позиция сложнее? Кстати, на этом пути можно дойти до абсурда. Ведь в реальности все происходит с точностью до наоборот: основным занятием и целью наших коллег является именно выстраивание и обоснование археологических версий истории. А с реальностью нельзя не считаться, даже если она кажется нелогичной.

В этой связи возникают новые вопросы.

Кто является профессионалом в археологическом источниковедении? — Только сам археолог! Тогда вопрос два: может ли «преисторик», воссоздающий по археологическим источникам версию истории конкретного региона и его обитателей в конкретную эпоху — не быть одновременно археологом, т. е. источниковедом своей эпохи? На мой взгляд — нет!

Разумеется, исследователь имеет право оставаться «чистым источниковедом» и не выходить на конкретно-исторический уровень исследования (то же, кстати, и в области письменных источников!). Но вот историк, реконструирующий «археологическую версию» истории — он просто обязан быть археологом! Человек, не понимающий ни специфики источников, ни степени их противоречивости, ни уровней допущений, не способный сам разрабатывать методы извлечения из них информации, — это вообще не историк, а в лучшем случае популяризатор чужих мнений. Поэтому, на мой взгляд, никакого «преисторика», отдельного от «археолога», просто быть не должно. Не стоит даже отвлеченно воображать себе этакое чучело!

Увы, на практике таких персон — море! Весь интернет ими полон. Историки (в том числе дипломированные) считают нормальным для себя выбирать из археологических гипотез ту, которая им больше нравится, и далее сочинять «романы» о судьбах древних народов. При этом они не способны профессионально оценить ни степени достоверности полюбившейся гипотезы, ни весомости контраргументов. Но все равно свысока поучают специалистов, как правильно трактовать материал.

Моя позиция: археология — это область знания, ядром которой является источниковедение вещественных источников. Она входит в блок источниковедческих дисциплин и, как любое источниковедение, лежит на стыке многих наук. Особенно ярко выступает «мультидисциплинарность» при анализе контекстов залегания находок. Но эта пестрая оболочка не должна заслонять главного: источниковедческий анализ имеет целью реконструкцию некой реальности, которую затем предстоит вписать в более широкий исторический контекст. Безусловно, наша дисциплина имеет «выходы» и в другие области (чисто теоретически — в криминалистику; изредка — в промышленность, в технологии и пр.). Но все это носит более или менее эпизодический характер. Непреходящей актуальностью обладает только ее выход в историю (в широком смысле). По большому счету, археология — это область исторического источниковедения.

Поэтому мне кажется недостаточной ссылка на то, что деятельность познающего субъекта не всегда совпадает с классификацией наук и зачастую выходит за рамки одной дисциплины. Да, можно быть археологом и одновременно философом, поэтом, языковедом, etc. Эти совпадения случайны, точнее — индивидуальны. Они, конечно, отражаются на творчестве ученого и, вполне возможно, идут ему на пользу. Но и только. А вот связь преистории/истории с археологией уже не случайна, она системна. Конкретно-исторический уровень исторического познания просто немислим без своего фундамента — источниковедения. Поэтому я склонна мыслить соотношение этих областей знания как своего рода антиномию. Они не тождественны, но они неразрывны. Они не вполне совпадают, зато их разделение неизбежно оказывается искусственным. Именно поэтому оно неизменно противоречит научной практике. А что думаете Вы?

ЛСК. Думаю, что для теории вопрос нужно решать отдельно, а для нынешней научной практики — отдельно. Она по разным причинам не соответствует теории.

Прежде всего, Вы недоумеваете по поводу того, почему в качестве синтезатора и оппонента археологу рассматривается только преисторик, а не, скажем, историк-античник или специалист по раннему феодализму. Ваше недоумение было бы абсолютно справедливо, если бы у меня это было так. Но если Вы внимательно читаетесь в мои книги, начиная с «Археологических источников»,

то заметите, что я везде говорю о ранней истории И преистории. Одним из аргументов в пользу «рассечения кентавра» служит то, что для Древнего Мира (античности) кентавр как раз рассечен. Античная археология — одна наука, история античности — другая. Только поэтому у меня в некоторых рассуждениях допускается ограничение преисторией, которая в этом еще не уравнена с античной историей.

Теперь о Вашем убеждении, что археология — это источниковедение истории и на его основе можно строить археологическую «реконструкцию некоей реальности, которую затем предстоит вписать в более широкий исторический контекст». Вот это вписывание и будет написанием истории, а та реконструкция, которую делает археолог, неизбежно будет крайне односторонней, а следовательно, искаженной версией истории, и принимать ее за историю никак нельзя. Обычно она является просто хронологическим обзором источников, переведенных на язык истории (нечто вроде наших учебников археологии для первого курса). Вы забываете, что столь же важный вклад вносят другие виды источников — этнографические («История первобытного общества» В. И. Равдоникаса строилась в основном на них), языковые (преемственность, контакты, топонимика), антропологические, а ныне и генетические (вопрос о преемственности и миграциях).

Что касается того, кому надлежит взять на себя задачи междисциплинарного синтеза — историку, археологу, этнографу или еще кому-то, этот вопрос в наше время решается исключительно индивидуальной подготовленностью, широтой знаний и склонностями. В будущем, возможно, будет решаться организацией особой специализации на исторических факультетах.

НП. Археологическая культура. Поскольку мы с Вами в свое время обсуждали проблему *археологической культуры* (далее АК), в ходе подготовки Вами «Теоретического словаря», и вариант этого словаря остался в моем компьютере, мне представлялось, что уж Ваша-то позиция мне знакома, так сказать, в оригинале. Надеюсь, так оно и есть. Тем более поразило меня то, как подается эта самая позиция в современных обзорах, написанных вполне серьезными людьми.

Самый яркий пример — статья Н. Н. Крадина «Археологические культуры и этнические общности» (Крадин 2009). Она не единственная, отнюдь, просто наиболее основательная.

Ну, то, что у него «идея выделения археологической культуры и отождествления ее с конкретными народами восходит к работам Г. Чайлда» (бедный Косинна, опять обошли!) — это еще не беда. Однако дальше излагается «современный взгляд», сводимый к следующему жесткому противопоставлению: 1) есть «онтологисты» (их большинство), для которых «археологическая культура есть материальное выражение реальных социальных групп и народов»; 2) есть «эпистемологи», для которых АК есть «аналитическая категория, предназначенная для описания типологически близких между собой групп памятников». Вот так: или — или... Вторая позиция разработана, в первую очередь, Л. С. Клейном и его учениками. В числе однозначных единомышленников названы К. Ренфру, И. Ходдер, С. Братер...

Неадекватность «онтологизма» растолковывается так:

Археолог... классифицирует находки и для упорядочения информации создает аналитические конструкции — типы, культуры, их локальные варианты. Затем исследователь очерчивает границы ... культуры. При этом он не столько выделяет границы археологических культур, сколько именно создает их (лучшим подтверждением этого является факт постоянного выделения на основе уже «открытых» культур все новых и новых). После этого он сам и часть коллег начинают верить в реальность, объективность выделенной культуры... Следующим шагом обычно является наделение археологических культур чертами этнической группы... Так создаются различные народы — андроновцы, афанасьевцы, карасукцы и т.д.

Не знаю, Лев Самойлович, подпишетесь ли Вы под этим? Конечно, доля справедливого тут есть, но уж больно все прямолинейно! Насколько я представляю себе Вашу точку зрения, Вы, конечно, всегда подчеркивали «кривозеркальность» отражения живой культуры в археологизированных остатках, но при этом никогда не считали АК фантомом. Мне самой также не приходит в голову сомневаться в наличии некой социальной реальности, стоящей за археологическими остатками. Ни андроновская, ни карасукская, ни многие другие культуры — не выдумка и не отвлеченное построение, созданное исключительно воображением исследователя. Разумеется, бывали случаи необоснованного выделения

культур, но это сейчас к делу не относится. Важно другое: та культурная общность, которая фиксируется в материале, может не являться этнической. Но в любом случае это вариант социокультурного единства, **социума**.

Кстати, Н. Н. Крадин сочувственно ссылается на И. Ходдера и В. А. Шнирельмана, приводящих примеры из этнографии Африки и Америки — что и лепная-то керамика, на деле, обменивалась, и распространялась-то она за пределы племени, и мастерицы-то могли учиться — одна у матери, а другая у свекрови (разница!), и инновации имели место — просто как результат личного творчества. И т. д. Всё это призвано у них подтвердить несостоятельность понимания АК как этнической общности (а заодно и «зыбкость» АК вообще!). В действительности эти факты отражают только неправомерность ожиданий, что каждой деревне или группе деревень, население которых имеет единое самоназвание, будет соответствовать своя «археологическая культура». А в остальном... так и хочется спросить: **ну и что?**

Можно представить себе, что после археологизации упомянутых керамических материалов они образуют единый ареал нескольких сопряженных типов. Будет наблюдаться их совстречаемость, в разных пропорциях. Этот ареал будет отражать вполне *реальную территорию взаимодействия нескольких этнических или родовых групп, между которыми происходил обмен — первобытный бартер*, где присутствовали и предметы первой необходимости, и дорогие подарки, и женщины. Ну, а за пределами данного ареала — по сути, сгустка социальных связей — керамика будет иной. Хотя резкой границы, скорее всего, не выявится, просто затухание одних связей и нарастание других... Выводы? Людям, производившим такой обмен, требовалось, как минимум, понимать друг друга. Значит, они либо были лингвистически близки, либо двуязычны, либо имели толмачей и общепонятный язык символов и жестов. В рамках данной общности наблюдается регулярный обмен информацией и диффузия культурных элементов. Разве этого мало? Если перед археологией (в ее преисторической ипостаси) стоит задача *воссоздания древних социальных границ (древних социумов) на основе анализа археологических источников* (М. Аникович), то в данном конкретном случае именно такой результат является вполне ожидаемым.

ЛСК. Я безусловный сторонник онтологического понимания археологических культур, как и других категорий археологической

классификации (тип, признак) и противник чисто инструментального понимания; я считаю культуры реальными группировками, существующими в материале и выявляемыми археологом. Но в этом выявлении, безусловно, присутствует доля субъективизма, потому что границы культур часто диффузные, отдельные категории инвентаря заходят в соседние культуры, а их категории — в определяемую (причем у Братера — такие важные, как керамика в целом), а у археолога есть личные интересы, побуждающие его предпочитать то или иное уточнение границ. Крадин, Шнирельман, Ходдер и др., собственно, преувеличивают воздействие этой неопределенности и субъективности границ. Здесь я с Вами и покойным Аниковичем, а не с теми археологами, с которыми меня Н. Н. Крадин напрасно объединил.

Наши с Вами позиции действительно очень близки. Я также очень уважаю Н. Н. Крадина как широко мыслящего и инновационного исследователя, но в своих рассуждениях о зыбкости и условности классификационных понятий археологии (культура, так уж и тип), он, мне представляется, поддался модному течению «эпистологизма», ведущему свое происхождение из послевоенного гиперскептицизма (Бру, Дэниел и др.). Я детально разбирал принципы этого течения еще в своей «Археологической типологии» (Клейн 1991), а затем в книге о Мальмере («Формула Монтелиуса» — Клейн 2010e). Я ведь не придерживаюсь безоговорочно и противоположного принципа — безоглядного признания всего накрученного археологами реальностью. Проблему *условных типов и культур* и их места в археологии нужно рассматривать во всей ее сложности — я так и старался делать. Почему этот подход слабо прививается — тому есть много причин. А прежде всего общее увлечение постпроцессуализмом (а шире — постмодернизмом), запоздало овевшим наши просторы.

НП. Система в археологии. В связи с этим я опять хочу вернуться к нашему с Вами давнему спору о системе традиций, отраженной в культуре и — редуцированно — в культуре археологической. Помните, я излагала Вам свое мнение (здесь я являюсь единомышленником и последователем Аниковича), что «социальную основу АК следует искать в том общем, что объединяет самые различные формы т. н. «культурных единств», отражающих разнообразные социальные группировки. Это общее заключается в способах аккумуляции и передачи культурного наследия, т. е. в *культурных*

традициях. Все это очень четко сформулировано в последней Мишиной работе, вышедшей посмертно под моей редакцией:

...АК отражает собой систему традиций, выработанных в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий. Это живая система, в ходе своего функционирования находившая материальное выражение в результатах человеческой деятельности. Часть их впоследствии оказалась утрачена, часть — археологизирована. Археологизированная система традиций (собственно АК) раскрывается посредством анализа археологических источников. Она неизбежно сильно редуцирована, по сравнению с «живой» системой. Но даже в неполном, ущербном виде характеристики АК представляют собой характеристики древних социумов... АК — это не простая совокупность памятников и/или типов памятников. Она выражает собой определенные связи, отношения, абстрагированные не прямо из живой действительности, но через посредство свидетельств (археологических источников), с целью познания реалий прошлого... (Аникович 2014: 17).

Честно говоря, для меня тут «ни убавить, ни прибавить». Помнится, Вы ответили мне, что *не считаете культуру системой, системно — общество.* Но, с другой стороны, вопрос: насколько оправданно разделять представления о системности общества и системности его культуры? Насколько мне известно, современная культурология не мыслит себя без теории систем, и это вполне естественно.

Общество функционирует именно в рамках культуры. Культура — это язык, в котором запечатлевается система и структура общества. Как она может сама не быть системой? Соскоблить с общества его культуру — останется сборище млекопитающих, обладающих некими физическими свойствами, примитивных и безъязыких. О том, что культура системна, нам напоминают ежедневно: если что-то вытесняется на наших глазах из живой культуры, то вслед за этим нередко, как по цепочке, вытесняется другое (то, что, быть может, и не хотели терять!). Хорошее и плохое, рациональное и нерациональное, материальное и мировоззренческое в единой культуре связаны между собой тысячами

нитей. Деформируется одно — деформируется другое, и сожалеть бесполезно — процесс необратим.

В Вашем «Теоретическом словаре» (Клейн 2014ж: 198–199), в статье «Системный подход» сказано:

...системный подход применим в преистории, но не в археологии: системы, изучаемые ею, к органическим и даже вообще к динамическим не принадлежат. Однако поскольку в условно-динамической системе археологической культуры отражены, пусть фрагментированно и преобразованно, состояния давних органических систем, некоторые отдельные принципы и методы системного подхода имеют значение для понимания археологического материала*, приложимы к его изучению... (выделено мной).

С учетом такой оговорки, так ли далеки наши позиции? Просто Вы «рассекаете кентавра», решительно отделяя археологию от преистории, а для меня (и для Аниковича) это — два уровня исследования археологических источников. Источниковедческий и конкретно-исторический. Они, разумеется, не идентичны, но теснейшим образом (системно!) связаны. Разумеется, преисторическое исследование носит междисциплинарный характер, однако междисциплинарность характерна и для нижнего, источниковедческого уровня. «Рассечение» было оправдано изначально, когда требовалось излечить коллег от слишком уж наивного отождествления, показать различия. Но сейчас есть опасность впасть в противоположную крайность. Может быть, стоит к этому вопросу вернуться?

ЛСК. Это не оговорка, это суть моего понимания системного подхода. Чаще всего системный подход понимают как ориентированный на одну идеальную систему, с которой связаны все признаки системы и которая определяет нормы и методы системного подхода. Чаще всего это *органическая система*, поскольку подход возникал в биологии. Я рассматриваю *разновидности* систем, и за каждой свои принципы, свои методы, свои нормы. За той *условно-динамической*, которая применима к археологии, очень мало что схоже с органической системой. Там в сущности другой поход.

Так что касательно системности или несистемности культуры, я остаюсь при своем взгляде. Близость между нами можно найти скорее в том, что я признаю археологические культуры условно-динамическими системами (сильно уступающими в сопряженности

частей органическим системам, на которых построен системный подход), — в этом мы близки, а не в акценте на применимости системного подхода к некоторым фрагментам культур.

Что касается представления археологической культуры пучком традиций — это есть еще у И. Б. Рауза в середине XX века, подход резонный, но применимый больше к проблеме происхождения культур, а не их существования.

А с вопросом о рассеении кентавра все это очень мало связано. Рассечь кентавра — остается настоящим лозунгом дня.

III. Кстати, цитированная мной выше работа Н. Н. Крадина интересна мне именно как рефлексия достаточно серьезного специалиста (я очень уважаю его конкретные работы по Дальнему Востоку) на современную ситуацию в теории археологического исследования и тот ревизионистский дискурс, который уже четверть века вдохновляет многих наших коллег.

К примеру, Н. Н. весьма сочувственно излагает мнение С. Братера о том, что (цитирую Крадина 2009)

...археологические культуры, даже если их считать научными категориями для описания культурных ареалов, все равно находятся в иной плоскости изучения, чем этническая идентичность. В некоторых случаях археологические культуры и этнические общности могут совпадать, но археологические источники в принципе не могут адекватно указывать на этническую идентичность. Поэтому задачи археологов должны быть адекватны имеющимся источникам, а интерпретации — методически осторожны (Brather S., 2000, s. 171). При этом природа археологии не должна быть сводима к вопросу этнической интерпретации, так же как историческая наука не сводится только к политической истории. Материальная культура отражает не напрямую политические, социальные и этнические процессы, а только опосредованно. Разные социальные роли могли обозначать различными этническими понятиями, но по сути они являлись социальными терминами... Радикально революционные работы С. Братера были приняты многими в штыки. Он обвинялся как минимум в «этническом агностицизме»... Тем не менее важность данных свежих идей для европейской археологии представляется очень существенной...

К высокой оценке работ С. Братера я вполне могу присоединиться (хотя в чем-то он для меня односторонен). Но... Лев Самойлович, объясните мне, Бога ради, что во всем этом «радикально революционного», по сравнению хотя бы с подходом нашей «ленинградской школы» 1970–1980-х гг.? Разве в Ваших собственных работах указанные принципы не излагались уже давно? Или мы, ваши ученики, пренебрегали различием между «этническим» и «этнографическим» (читай: «социально-историческим»)? Или сводили преисторические реконструкции к одной этнической интерпретации? Или не понимали, что археологические культуры находятся в иной плоскости изучения, чем этническая идентичность?.. Да скорее наоборот! Для нас все это уже в 1980-х были азы, которые и обсуждать-то особо не требовалось!.. Наряду с этим казалось вполне вероятным, что в отдельных конкретных случаях культурные элементы могут иметь и прямой этнический окрас, ибо подчеркивают противопоставление одной группы другой. Сейчас это явление названо «эмблемным стилем», и оппоненты Братера, типа Ф. Курты, много об этом пишут. И это тоже считается у нас «последним словом» зарубежной науки... Остается только руками развести... Почему «свежий ветер» в который раз дует в Россию из-за бугра?! Или следовать «своим» не так престижно: ведь мы все тут «прозябаем» в «совковом состоянии», наша наука «зашла в тупик»?

В этой связи я могу вспомнить только меткое высказывание другого профессора-сибиряка (или дальневосточника?) Н. С. Розова (2007). Суть его заключается в том, что когда «провинциальность становится самопрограммируемой», все привыкают думать, что на родной почве ничего оригинального и не может появиться, поэтому незачем тратить время и силы на проверку, поддержку и популяризацию идей соотечественников. «Периферия осознала себя периферией и уже поэтому останется ею на долгое время...». Честно говоря, неприятная перспектива...

ЛСК. А это, по-моему, связано с общим состоянием археологии и всей науки в нашей стране. Ведь, в самом деле, мы предпочитаем жить прошлыми успехами, все снова и снова вспоминать добрым словом идеи внедрения марксизма, теорию стадийности и ее идеи, а на Западе каждые несколько лет появляются новые концепции. Кроме того, сказывается наше ощущение нищенского положения всей нашей археологии и каждого археолога по сравнению с каждым археологом Запада, неудобство при встречах, конференциях, когда они вынуждены платить за нас. Это ощущение

стыда все время порождает в нас комплекс провинциальности, периферийности и заставляет глядеть на Запад с завистью и надеждой получить новые идеи.

III. Уклон от этничности. Напоследок не могу удержаться от плавного перехода к теме «этничности». В последнее время у меня создается впечатление, что все кругом немного «тронулись» на этой почве! Наблюдается (в который раз!) осязаемое — даже не влияние, а неприкрытое давление политики на науку. Потому что за отрицанием реальности этноса (даже понимаемой как социальная или социально-психологическая реальность) стоит не только и не столько осмысление научных данных, а в гораздо большей степени — политическая парадигма «мультикультурности» в Европе и Америке. Она навязывается научному сообществу, конечно, не так, как у нас в тоталитарную эпоху, иными средствами, но не менее жестко. И ученые, действительно, ее обслуживают, если хотят преуспеть — работать в престижных учреждениях и прилично зарабатывать. Кстати, у нас сейчас куда более «многополярная» ситуация в науке, ибо еще живо то поколение, которое делало когда-то жизненный выбор: *или наука, или материальное благосостояние*. Понятно было, что нашей наукой много не заработаешь. Хочешь преуспевать, иди на «Историю КПСС» или хотя бы на новейшую историю. Но кто-то же все равно рвался в археологию. И не только рвался, но и сознательно остался в ней... Это поколение еще работает, хотя так же сидит без денег, как при Советах. А из кончавших по истории КПСС многие преобразовались в «социальных антропологов» и вновь преуспевают. Так что тут мало что изменилось, но у нас осталась закалка...

В т. н. «свободном мире» не было условий для выработки такой закалки. Поэтому там парадоксально легче вводить «единомыслие» в ученой среде. Ведь есть такие инструменты, как общественное мнение (создаваемое масс-медиа) и краткосрочный контракт. В результате по всей Европе совершенно свернуты исследования по этногенезу — не было никакого этногенеза! Поэтому само понятие «раса» исключено из научного лексикона, а «расоведение» в современных трудах, по сути, приравнивается к «расизму». Поэтому палеолитические останки изымаются из музеев и захораниваются на индейских кладбищах... Поэтому не дай Бог теперь произнести само слово «биологический» в применении к человеческому сообществу — немедленно обвинят в расизме.

Мне очень хотелось бы знать: что, человек уже перестал быть особью биологического мира? Или биологические процессы ныне «отменены», как в СССР отменили генетику? А накопление генетических особенностей в рамках древних сообществ, объединяемых по языку — это что, не является свидетельством их биологической общности (пример тому — результаты коллективного труда Балановского и др. о генетике славян и балтов)? Или м. б. это накопление можно объяснить чем-то иным, помимо эндогамии, действовавшей на протяжении тысячелетий? Я имею в виду эндогамию в рамках более или менее узких исторических сообществ, которые, в свою очередь, передвигались и смешивались, но также в рамках сообщества — более широкого...

Другое дело, как эту биологическую общность интерпретировать. Можно, как русские антропологи 20-х гг. (С. И. Руденко и др.) считать, что изучение антропологических особенностей и наследственности у многонационального населения СССР необходимо, чтобы обеспечить должную заботу о здоровье населения и подъем производительных сил страны. А можно выводить из тех же фактов «иерархию рас» и «расовую гигиену». Это будет очередным насилием над наукой, но не единственно возможным насилием.

Другой вариант насилия осуществляется сейчас. Это идеологический проект современного либерализма, объявляющего этничность не просто «конструктом», а — что важнее — **легко целенаправленно изменяемым конструктом**. Вот здесь, на мой взгляд, и зарыта собака. Именно это нужно сегодняшним политикам, стремящимся манипулировать и личностью, и обществом (что на Западе, что на Востоке — большой разницы нет!). И именно здесь заложены ростки трагедии, начало которой мы наблюдаем уже сейчас. Данная парадигма, по сути, уникальную ситуацию Латинской Америки XX века объявляет универсальной, применимой ко всем временам и народам. Историческое измерение остается как бы за кадром. Адаптация в течение десятков поколений — тоже. Налицо апология сиюминутности и легкости преобразований. Захотели — и изменились. Приняли решение — и процесс пошел... Процесс-то запускается, да только, как показывает практика, чаще всего — не в ту сторону. А сам проект этот рухнет, и очень скоро. Жаль только — много вреда успеет принести.

Впрочем, на этом пути можно далеко уйти от археологии. Дорогой Лев Самойлович, разговор получился серьезный. Я очень надеюсь, что не слишком Вас разочаровала.

ЛСК. Нет, не разочаровали. Мультикультурность и политкорректность действительно доведены на Западе до абсурдного размаха применения. На этом фоне этничность и расы объявляются легко изменяемыми и несущественными, что отсекает целые поля исследований.

Но увлечение легкостью конструкций и их смены обусловлено там не только политизированностью «либерального насилия», нажима мультикультурности и политкорректности, но и системой образования. Краткие семестры и деление на бакалавриат и магистрат заставляют задавать студентам короткие курсовые, а это значит — либо археологические выводы по обработке одного артефакта, либо поощрение крупных выводов на небольшом материале. Студенты приучаются к такому стилю мышления и применяют его в дальнейшем. Тут и рождаются легковесные концепции.

Клейн Л. С.
Диалоги.
Теоретическая археология и не только
Научное издание

Директор издательства *Чубарь В. В.*
Главный редактор *Трофимов В. Ю.*
Корректор *Романова М. В.*
Дизайн макета *Шуктомова Н. А.*

ООО «Издательство „Евразия“»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Подписано в печать 25.06.2018
Усл.-печ. л. 23 Формат 60х90 1/16, Гарнитура «PT Serif»,
Тираж 1000 экз. Печать офсетная.
Заказ №

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499)322-38-30